

УДК 327.54(510)+341.223

DOI: 10.34670/AR.2026.94.39.006

Опыт систематизации территориальных споров КНР с соседними государствами

Потапкина Алёна Владиславовна

Аспирант,
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Профсоюзная, 23А;
e-mail: potapkina.alena02@gmail.com

Аннотация

Стремительные изменения в азиатской архитектуре безопасности в сочетании с возвышением Китайской Народной Республики сопровождаются обострением территориальных трений, что влияет на устойчивость системы международных отношений. Цель статьи — анализ пограничных и морских конфликтов Пекина с соседними суверенными государствами, позволяющий выделить структурные проявления противостояния. Противоречия в научном дискурсе лежат в плоскости полярных трактовок мотивов правящей элиты: одни видят в действиях КНР оборонительный механизм защиты периферии, другие — реализацию наступательной доктрины. В исследовании показано, что Китай применяет дифференцированную стратегию: на суше дипломатия тяготеет к компромиссам и делимитации границ, а в морских акваториях превалирует жесткая силовая тактика. Множественность споров предстает не следствием картографических просчетов прошлого, а закономерным итогом наложения традиционной цивилизационной модели на строгие рамки современного вестфальского права. Авторский вклад состоит в систематизации разногласий по шести многомерным критериям. Материал будет полезен политологам, специалистам по международному праву и аналитикам, изучающим процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для цитирования в научных исследованиях

Потапкина А.В. Опыт систематизации территориальных споров КНР с соседними государствами // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 4А. С. 55-64. DOI: 10.34670/AR.2026.94.39.006

Ключевые слова

Азиатско-Тихоокеанский регион, геополитика, исключительная экономическая зона, Китайская Народная Республика, международное право, территориальный спор, безопасность, международные отношения.

Введение

Современная система международных отношений переживает структурные преобразования, в центре которых стремительное возвышение Китайской Народной Республики. Интеграция Пекина в ядро глобальной архитектуры сопровождается обострением региональных противоречий. Территориальные споры КНР образуют один из наиболее сложных и взрывоопасных комплексов межгосударственных конфликтов, который нельзя свести к локальным пограничным разногласиям или ошибкам в проведении линий на картах: в нем переплетаются историческая память, толкование норм права, военно-стратегическая логика, императивы ресурсной безопасности и амбиции лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для китайского государства вопрос пространственного суверенитета имеет экзистенциальное значение. Современная идентичность КНР выстраивалась через преодоление травматичного опыта «века унижений», последовавшего за ним распада империи Цин и длительного восстановления контроля над периферийными землями. Поэтому территориальные претензии служат не стандартным инструментом внешней политики, а отражением политико-философского самосознания нации.

Любой территориальный спор есть не что иное, как материальная форма столкновения интересов. Применительно к КНР теоретические конструкты позволяют понять, почему она вступает в конфронтацию, какие приоритеты защищает и почему значительная часть противоречий десятилетиями остается в замороженном состоянии. Объектом диспутов выступает система властных полномочий, а предметом – несовпадающие интерпретации истории и концепций безопасности.

Методы исследования

Исследование опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий инструментарий политологии, международного права и исторической географии. Системный анализ позволяет трактовать внешнеполитические разногласия Пекина не как набор случайных трений, а как структурно взаимосвязанный механизм. Эмпирическая база классифицирована по шести параметрам оценки, что обеспечивает многомерность и объективность. В текстовую канву вплетены историко-правовые и картографические данные, метрики фактического осуществления власти, а также геополитические, экономические и социально-культурные аспекты.

Сравнительно-исторический метод позволяет проследить эволюцию притязаний от имперской эпохи Цин до современности, а метод матричного сопоставления группирует разрозненные споры в сводные аналитические таблицы, обнажая общие проявления поведения государства в континентальных и морских пространствах.

Рамки исследования базируются на строгом критерии международной субъектности. Анализу подвергаются исключительно трения Китая с суверенными государствами, которые официально признаны Организацией Объединенных Наций.

Результаты и обсуждение

Под территориальным спором понимается не разногласие о прохождении демаркационной линии, а международно-правовой и политический конфликт между признанными ООН

государствами по поводу суверенитета, пределов юрисдикции и режима фактического контроля над пространством (сушей, островной грядой, акваторией, шельфом). Применительно к КНР спор выходит за рамки юридической казуистики и становится материальным выражением симбиоза идеи национального возрождения и роста геополитических амбиций.

Оценка пограничных и морских разногласий предполагает выделение строгих параметров для структурирования обширного эмпирического материала, поскольку многообразие азиатских конфликтов сложно подвести под единый знаменатель.

Историко-правовой критерий сопряжен с анализом договорной базы, принципов правопреемства и концепции давности. Как показывают А.Д. Дикарев и А.В. Лукин, значительная часть споров проистекает из пересмотра соглашений колониальной эпохи и обоснования притязаний на двух параллельных языках, историческом и международно-правовом [Дикарев, Лукин, 2021, с. 5-15]. Оппоненты опираются на современные нормы, прежде всего Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., тогда как Китай апеллирует к трактатам прошлого и концепции «исконных вод».

Картографический и физико-географический критерий вскрывает разрыв между линией на карте и линией на местности. В Гималаях этот разрыв сводится к спору о том, по какому именно водоразделу проходит граница, и каждая сторона прочитывает рельеф в свою пользу. В Южно-Китайском море, как показывают S. Shafi и B. Zarei, проблема иного порядка: «девятипунктирная линия» очерчивает почти всю акваторию, но лишена точных координат, и именно эта намеренная неопределенность делает ее удобным, хотя и юридически уязвимым инструментом притязаний [Shafi, Zarei, 2022, с. 22-23].

Критерий эффективного контроля исходит из того, что в практике межгосударственных споров решает не декларация, а непрерывное и открытое осуществление власти, будь то административной, фискальной или военной. Пекин выстраивает доказательную базу такого контроля методично: учреждает на спорных территориях органы управления, как это произошло с городским округом Саньша на Парасельских островах [Li et al., 2023, с. 1785], и поддерживает регулярное присутствие сил береговой охраны. Постепенное наращивание этих признаков и составляет суть тактики, которую принято называть «ползучей» экспансией.

Геополитический критерий оценивает участок по его военно-логистической отдаче: контролю над господствующими высотами, проливами, узлами морских коммуникаций. Здесь действует принцип несоразмерности: даже малый риф, оборудованный взлетной полосой, радиолокацией и системами ПВО, превращается в опорную точку, проецирующую силу на сотни километров и смещающую региональный баланс. Этим и объясняется упорство, с которым Пекин удерживает объекты, ничтожные по площади.

Следующий критерий – экономический потенциал. Как подчеркивают О.А. Джагаев [Джагаев, 2022, с. 578], Ш. Лю, С.В. Старкин, И.В. Быстров, Л. Сюй [Лю и др., 2025, с. 318], особенно ярко это проявляется в морских диспутах, где предметом разногласий становятся исключительные экономические зоны (ИЭЗ), участки континентального шельфа, крупные залежи углеводородов.

Социально-культурный и демографический критерий учитывает этнический состав населения, его религиозную принадлежность и цивилизационную ценность локации. Примером служит сакральное значение вулкана Чанбайшань (Пэктусан) для корейцев и маньчжуров [Трубникова, Чеснокова, 2025, с. 104-105], порождающее скрытое напряжение между КНР и государствами полуострова.

Базовой причиной большинства конфликтов выступает имперское наследие: рубежи

«Поднебесной» исторически были зонами культурно-политического влияния и вассалитета, а не жесткими линиями размежевания, и трансформация этой аморфной структуры в контуры национального государства спровоцировала системные трения.

Вместе с тем сведение всех споров к имперскому наследию недостаточно конкретно: целесообразно различать несколько порождающих оснований. Первое носит нормативно-исторический характер. В официальном дискурсе КНР территориальные вопросы трактуются не как конкуренция суверенных государств, а как следствие насильственного нарушения сложившегося пространственного порядка в период слабости страны. Понятие «века унижения» выполняет функцию не объяснения, а нормативной рамки, задающей пределы компромисса, в силу чего уступка по суверенитету воспринимается как повторение исторического поражения. Поэтому Пекин относит договоры девятнадцатого и начала двадцатого века к неравноправным и ставит под сомнение их результаты, но не оспаривает авторитет международного права как такового.

Второе основание состоит в юридической кодификации суверенитета как коренного интереса. Установка на неделимость территории закреплена в Конституции 1982 г., в Законе о территориальном море 1992 г. (перечисляющем Тайвань, Дяюйдао, Сиша и Наньша) и в Законе о противодействии расколу страны 2005 г. Воссоединение земель подается как предпосылка «великого возрождения нации», чем объясняется жесткость позиции Пекина и неприятие арбитража. Третье основание имеет геоэкономическую природу: контроль над акваториями Южно-Китайского моря, на которые приходится около трети глобального морского грузооборота и порядка 80 % ввозимой Китаем нефти, связан с энергетической и продовольственной безопасностью и с устойчивостью «Морского шелкового пути» как уязвимого участка инициативы «Один пояс, один путь». Поэтому уступки в морских пространствах для Пекина исключены при готовности к компромиссу на второстепенных сухопутных участках.

Четвертое основание носит реактивный характер. Эскалация споров в постбиполярный период обусловлена ростом мощи КНР и наращиванием военно-политической активности Вашингтона и его партнеров в регионе. Складывание сдерживающих форматов (Четырехсторонний диалог по безопасности, блок Австралии, Великобритании и США) воспринимается Пекином как угроза безопасности и ускоряет переход к напористой защите притязаний. Тем самым множественность споров предстает следствием наложения нескольких разнородных причин, а не случайных картографических просчетов.

Для наглядности уместно представить актуальные конфликты в виде сводной таблицы 1. В отличие от предыдущих подходов, в которых смешиваются абстрактные претензии с реальными угрозами, в данной статье делается разделение по степени актуальности с опорой на обозначенные критерии.

Таблица 1 – Сравнительный анализ территориальных споров КНР с суверенными государствами (составлено на основе [Панарина, 2023; Ринчинов, 2021; Толстых, 2019; Толстых, 2019; Цветов, Мельничук, 2024])

Государство-опponent	География (спорная территория, акватория)	Категория и ключевой критерий разногласий	Оценка масштаба проблемы	Статус-кво, фактический контроль
Индия	Аксайчин, Аруначал-Прадеш, долина Шакс-	(С) Сухопутный. Геополитика (контроль над плато),	Около 124 000 кв. км в совокупности	Аксайчин и Шаксгам контролируются китайской стороной,

Государство-оппонент	География (спорная территория, акватория)	Категория и ключевой критерий разногласий	Оценка масштаба проблемы	Статус-кво, фактический контроль
	гама, Депсангские равнины, район Демчока, долина реки Галван, перевал Барахоти (средний сектор ЛАК), плато Доклам	картография (непризнание линии Мак-Магона)		Аруначал-Прадеш – индийской. Напряженность перманентна
Бутан	Плато Доклам, округ Хаа, долины Пасамлунг, Джакарлунг, заповедник Сактенг (восточный сектор)	(С) Сухопутный. Стратегическая ценность (влияет на уязвимость индийского коридора)	Около 1 034 кв. км.	Идут сложные переговоры. Пекин планомерно наращивает инфраструктуру в спорных зонах
Япония	Острова Сенкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море, делимитация ИЭЗ и шельфа в Восточно-Китайском море (месторождения Чуньсяо и др.)	(М) Морской. Экономический потенциал (ресурсы шельфа) и осуществление власти	Около 7 кв. км суши, но ИЭЗ охватывает десятки тысяч кв. км.	Архипелаг находится под административным управлением Токио. КНР регулярно проводит патрулирование вод
Филиппины	Острова Спратли, риф Скарборо, Отмель Второй Томас, Островная группа Калайаан, риф Мисчиф, банка Рид, отмель Сабина	(М) Морской. Историко-правовые основания (конфликт «исторических прав» и норм Конвенции ООН по морскому праву)	Значительная часть акватории	Китай вытесняет суда оппонента, игнорируя решение Международного арбитража 2016 г.
Вьетнам	Парасельские острова, архипелаг Спратли, риф Сэнди-Кей, делимитация Тонкинского залива	(М) Морской. Фактический контроль, разграничение ИЭЗ, доступ к углеводородам	Обширная морская зона и сотни рифов	Парасельская гряда удерживается КНР с 1974 г. Архипелаг Спратли де-факто разделен между несколькими странами
Малайзия, Бруней	Южная часть Южно-Китайского моря (шельф Борнео) (Малайзия – банка Луконья, отмель Джеймса; Бруней – риф Луиза)	(М) Юрисдикционный. Наложение исторических претензий на законные ИЭЗ государств	Пересекающиеся водные участки	Стороны придерживаются дипломатического лавирования. Конфликт носит вялотекущий характер
Индонезия	Акватория к северу от островов Натуна (Северное Натунское море)	(М) Юрисдикционный. Социально-культурный (традиционный промысел) против правового	Исключительно акватория ИЭЗ	Джакарта обладает суверенитетом над сушей, но регулярно сталкивается с рыбацкими флотилиями соседа
Республика Корея	Подводная скала Сокогра (Суянь) и участки ИЭЗ	(М) Морской юрисдикционный. Экономический потенциал, научная деятельность	Точечный объект и шельф	Сеул возвел океанографическую платформу. Продолжается юридический диспут

Категория спора обозначена кодами: С – сухопутный, М – морской, И-Н – историко-нарративный (латентный).

Анализ представленных конфликтов выявляет ряд закономерностей. Китайская дипломатия применяет дифференцированный подход в зависимости от среды противостояния (суша или море) и потенциала оппонента. В таблице 2 эти два вектора сопоставлены для выявления структурных особенностей.

Таблица 2 – Сравнительная аналитика общих проявлений сухопутных и морских территориальных споров КНР (составлено автором)

Параметр сравнения	Специфика сухопутных споров	Особенности морских споров	Общие проявления
Характер правовой базы	Наследие континентальных империй, старые двусторонние соглашения	Картографические аргументы, которые прямо вступают в противоречие с морским правом	Пекин гибко и выборочно комбинирует историческую память с нормами права ради собственной выгоды
Степень урегулирования	Значительная часть разногласий преодолена (с РФ, странами Центральной Азии)	Ни один крупный спор до сих пор не урегулирован. Прослеживается тенденция к эскалации	Центр геополитической конфликтности сместился с континентального Хартленда в океан
Методы фактического контроля	Строительство капитальных дорог, возведение укрепленных постов, демаркация	Намыв искусственных участков суши; применение скрытой «морской милиции»	Широко применяется стратегия «серой зоны» – изменение статуса-кво ниже порога объявления открытой войны
Экономическая мотивация	Умеренная (обеспечение логистики, приграничная торговля)	Очень высокая (добыча нефти и газа, транзит огромной доли мировой торговли)	Потенциальная материальная выгода делает морские коллизии значительно более жесткими

Подытоживая, отметим присутствие нескольких сквозных особенностей. Общее во всех конфликтах – это восприятие пространства не только как утилитарного физического объекта, но и в качестве маркера государственной состоятельности. Обычные изолированные скалы приобретают значение, абсолютно несоразмерное их истинному размеру.

Систематизация материала позволяет зафиксировать несколько закономерностей. Классическая схема М. Тейлора Фрейвела, по которой из 23 споров КНР после 1949 г. 17 были урегулированы (в 15 случаях с уступками Пекина), к середине 2020-х гг. сместилась: из 14 сухопутных соседей граница урегулирована с 12, открытыми остаются рубежи с Индией и Бутаном, а акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей не разграничены, кроме Тонкинского залива (соглашение с Вьетнамом 2000 г.). За 2008–2026 гг. наметился переход от уступчивости на суше к жесткому отстаиванию морских притязаний, и российская наука зафиксировала его раньше других [Джагаев, 2022, с. 578]

Территориальная проблематика Пекина давно перестала быть набором двусторонних сюжетов и обрела глобальное измерение. В конфигурациях Пекина участвуют шесть государств в Южно-Китайском море, два в Восточно-Китайском, три в Южной Азии и два в Северо-Восточной Азии – в совокупности тринадцать региональных игроков, к которым по линии союзнических обязательств примыкают США как гарант безопасности Японии и Филиппин и Россия как партнер Вьетнама. Ни одно другое государство не ведет одновременно столь разветвленную сеть споров.

Современный режим споров характеризуется тремя устойчивыми чертами. Первая – систематическое использование правовой неопределенности как ресурса, что видно по

отсутствию координат «девятипунктирной линии», отказу от гаагского арбитража 2016 г. и параллельной апелляции к «историческим правам» и к Конвенции ООН по морскому праву. Вторая – инфраструктура «серой зоны», то есть меры, по отдельности не дающие повода к войне, но в сумме смещающие баланс: рейды береговой охраны, намыв островов и переименование топонимов. Третья – параллельная нормативно-правовая архитектура, поскольку Закон о береговой охране 2021 г. и Приказ № 3 2024 г. вводят понятие «вод под юрисдикцией Китая», право задержания иностранных судов и режим зон оповещения, создавая применимую в одностороннем порядке структуру [Лю и др., 2025, с. 318].

В долгосрочном измерении китайская политика обнаруживает двойственность, которую правомерно назвать сочетанием структурной устойчивости и тактической нестабильности. От крупных силовых акций Пекин удерживает вполне рациональные ограничения экономического и политического свойства: сохранять управляемую неопределенность ему выгоднее, чем разрешать спор силой. Однако та же ставка на неопределенность повышает цену ошибки, поскольку любой эпизод в «серой зоне» способен при неблагоприятном стечении обстоятельств перерасти в кризис [Локшин, 2020, с. 142-150]. В этом противоречии и заключена внутренняя логика рассматриваемых споров.

При общей рамке поведение Пекина заметно меняется в зависимости от веса противника. С ядерными державами, в первую очередь с Индией, он действует с подчеркнутой осторожностью, не отказываясь от механизмов деконфликтинга [Verma, 2024, с. 406-407]. В отношении же сравнительно слабых соседей, таких как Филиппины и Вьетнам, допускается прямое силовое давление с опорой на превосходство в тоннаже. Эту асимметрию дополняет экономическая привязка: инвестиционная зависимость от КНР снижает готовность региональных столиц к жесткому ответу.

Особую позицию Китай занимает и в отношении международного арбитража, обращаясь с ним избирательно. Решение третейского суда в Гааге по иску Манилы он отверг как посягательство на суверенитет [Дикарев, 2018, с. 340; Кошкин, 2019, с. 38], последовательно предпочитая двусторонний формат, в котором его совокупный вес заведомо перевешивает позицию оппонента.

Ответ на вопрос, почему именно Китай вовлечен в столь разветвленную сеть споров, кроется во внутренней эволюции государства. Концепция «Поднебесной» («Тянься») долго увязывалась с центрированной иерархией, в которой границы оставались проницаемыми, а власть опиралась на цивилизационное превосходство. Столкновение этой парадигмы с Вестфальской системой обернулось для нации серией поражений и утратой контроля над обширными территориями.

Поэтому современные споры служат руководству инструментом преодоления исторической травмы: возвращение спорных земель приравнивается к «великому возрождению». Пока экономика только формировалась, элиты предпочитали отложенные решения, однако по мере превращения в промышленную сверхдержаву стратегия изменилась, а нарративы были подкреплены военно-морским флотом и передовыми технологиями.

Заключение

Территориальные споры КНР не укладываются в привычную схему двусторонних пограничных разногласий: почти на каждом направлении за ними стоят устойчивые,

исторически накопленные узлы противоречий. Проведенная классификация по шести критериям показывает, что споры эти неоднородны по природе и по динамике. На сухопутных рубежах Китая не раз шел на компромисс и делимитацию, тогда как в морских акваториях и на гималайском участке выбирает жесткую линию.

Главный вывод состоит в том, что обилие споров есть не историческая случайность и не следствие картографических ошибок прошлого, а закономерный результат наложения унаследованной цивилизационной модели на нормы современного международного права. Территориальные трения работают здесь как индикатор: они обнажают слабость регионального порядка и неспособность наднациональных институтов сдерживать амбиции усиливающихся держав.

Сложившаяся архитектура безопасности находится в точке неустойчивого равновесия. Простое замораживание конфликтов более не гарантирует мира: инфраструктурное освоение спорных зон не прекращается ни на день и постепенно меняет положение дел в пользу сильнейшего. Отсюда следует, что потребность в содержательном урегулировании рассматриваемых споров становится все более настоятельной.

Библиография

1. Джагаев О. А. Проблема южно-китайского моря как фронт противостояния КНР и США // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83). С. 577-582.
2. Дикарев А. Д. Политические и правовые последствия вердикта Гаагского трибунала по иску Филиппин к Китаю // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 1. С. 340-356.
3. Дикарев А. Д., Лукин А. В. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-Китайском море и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 2. С. 5-15.
4. Кошкин В. А. Решение международного арбитража по Южно-Китайскому морю: обзор позиций китайских экспертов // Международное правосудие. 2019. № 2 (30). С. 31-40.
5. Локшин Г. М. Сотрудничество АСЕАН и Китая: ключ к миру в ЮВА // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 142-150.
6. Лю Ш., Старкин С. В., Быстров И. В., Сюй Л. Конфликт вокруг Южно-Китайского моря: позиция КНР // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 317-320.
7. Панарина Д. С. Пересечение интересов: позиции России и стран-участниц территориальных споров в ЮОМ // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 1. № 1 (58). С. 57-75.
8. Ринчинов А. Б. Территориальные споры Китая и стран Юго-Восточной Азии в XXI в. как источник внутривнутриполитических выгод КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 35. С. 47-54.
9. Толстых В. Л. Территориальные споры в Восточной и Юго-Восточной Азии: особенности и перспективы международно-правового урегулирования // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. Т. 21. № 3. С. 53-69.
10. Трубникова Е. Е., Чеснокова Н. А. Установление границы между Кореей и Китаем в XVIII в.: экспедиция 1712 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2025. № 1. С. 100-111.
11. Цветов П. Ю., Мельничук С. А. Роль традиции в территориальном споре Вьетнама и Китая // Обозреватель. 2024. № 1 (402). С. 105-114.
12. Li R. et al. Genesis of island dolostones during rapid island subsidence: Example from the Xisha (Paracel) islands, South China Sea // Sedimentology. 2023. Vol. 70. № 6. P. 1785-1811.
13. Shafi S., Zarei B. Geopolitical Analysis of Border and Territorial Disputes in the South China Sea // International Journal of Maritime Policy. 2022. Vol. 2. № 5. P. 19-55.
14. Verma R. India-China rivalry, border dispute, border standoffs, and crises // India Review. 2024. Vol. 23. № 5. P. 397-408.

Experience in Systematizing Territorial Disputes of the People's Republic of China with Neighboring States

Alena V. Potapkina

Postgraduate Student,
Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences,
117218, 23A, Profsoyuznaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: potapkina.alena02@gmail.com

Abstract

Rapid changes in the Asian security architecture, combined with the rise of the People's Republic of China, are accompanied by an escalation of territorial frictions, which affects the stability of the international relations system. The purpose of the article is to analyze Beijing's border and maritime conflicts with neighboring sovereign states, making it possible to identify structural manifestations of the confrontation. Contradictions in scientific discourse lie in the polar interpretations of the motives of the ruling elite: some see China's actions as a defensive mechanism for protecting the periphery, others as the implementation of an offensive doctrine. The study shows that China employs a differentiated strategy: on land, diplomacy tends toward compromises and border delimitation, while in maritime areas, a rigid forceful tactic prevails. The multiplicity of disputes appears not as a consequence of cartographic miscalculations of the past, but as a natural result of the superimposition of the traditional civilizational model onto the strict framework of modern Westphalian law. The author's contribution consists in systematizing disagreements according to six multidimensional criteria. The material will be useful to political scientists, specialists in international law, and analysts studying processes in the Asia-Pacific region.

For citation

Potapkina A.V. (2026) Opyt sistemizatsii territorial'nykh sporov KNR s sosednimi gosudarstvami [Experience in Systematizing Territorial Disputes of the People's Republic of China with Neighboring States]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (4A), pp. 55-64. DOI: 10.34670/AR.2026.94.39.006

Keywords

Asia-Pacific region, geopolitics, exclusive economic zone, People's Republic of China, international law, territorial dispute, security, international relations.

References

1. Dikarev, A. D. (2018). Politicheskiye i pravovyye posledstviya verdikta Gaagskogo tribunala po isku Filippin k Kitayu [Political and Legal Consequences of the Hague Tribunal Verdict on the Philippines' Lawsuit against China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye*, 48(1), 340-356.
2. Dikarev, A. D., & Lukin, A. V. (2021). Podkhod KNR k territorial'nykh sporam v Yuzhno-Kitayskom more i vneshnyaya politika Rossii [China's Approach to Territorial Disputes in the South China Sea and Russia's Foreign Policy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 65(2), 5-15.
3. Dzhagaev, O. A. (2022). Problema yuzhno-kitayskogo morya kak front protivostoyaniya KNR i SShA [The South China Sea Problem as a Front of Confrontation between China and the USA]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh*

- otnosheniy*, 12(2), 577-582.
4. Koshkin, V. A. (2019). Resheniye mezhdunarodnogo arbitrazha po Yuzhno-Kitayskomu moryu: obzor pozitsiy kitayskikh ekspertov [The International Arbitration Ruling on the South China Sea: A Review of Chinese Experts' Positions]. *Mezhdunarodnoye pravosudiye*, 2(30), 31-40.
 5. Li, R., et al. (2023). Genesis of Island Dolostones during Rapid Island Subsidence: Example from the Xisha (Paracel) Islands, South China Sea. *Sedimentology*, 70(6), 1785-1811.
 6. Liu, Sh., Starkin, S. V., Bystrov, I. V., & Xu, L. (2025). Konflikt vokrug Yuzhno-Kitayskogo morya: pozitsiya KNR [The Conflict around the South China Sea: China's Position]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 9, 317-320.
 7. Lokshin, G. M. (2020). Sotrudnichestvo ASEAN i Kitaya: klyuch k miru v YuVA [ASEAN-China Cooperation: The Key to Peace in Southeast Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 64(6), 142-150.
 8. Panarina, D. S. (2023). Peresecheniye interesov: pozitsii Rossii i stran-uchastnits territorial'nykh sporov v Yuzhno-Kitayskom more [Intersection of Interests: Positions of Russia and Countries Involved in Territorial Disputes in the South China Sea]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 1(1), 57-75.
 9. Rinchinov, A. B. (2021). Territorial'nyye spory Kitaya i stran Yugo-Vostochnoy Azii v XXI v. kak istochnik vnutripoliticheskikh vygod KNR [China's Territorial Disputes with Southeast Asian Countries in the 21st Century as a Source of China's Domestic Political Gains]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye*, 35, 47-54.
 10. Shafi, S., & Zarei, B. (2022). Geopolitical Analysis of Border and Territorial Disputes in the South China Sea. *International Journal of Maritime Policy*, 2(5), 19-55.
 11. Tolstykh, V. L. (2019). Territorial'nyye spory v Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii: osobennosti i perspektivy mezhdunarodno-pravovogo uregulirovaniya [Territorial Disputes in East and Southeast Asia: Features and Prospects of International Legal Settlement]. *Aziatsko-tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo*, 21(3), 53-69.
 12. Trubnikova, E. E., & Chesnokova, N. A. (2025). Ustanovleniye granitsy mezhdru Koreyey i Kitayem v XVIII v.: ekspeditsiya 1712 g. [Establishing the Border between Korea and China in the 18th Century: The 1712 Expedition]. *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 1, 100-111.
 13. Tsvetov, P. Yu., & Melnichuk, S. A. (2024). Rol' traditsii v territorial'nom spore Vyetnama i Kitaya [The Role of Tradition in the Vietnam-China Territorial Dispute]. *Obozrevatel'*, 1(402), 105-114.
 14. Verma, R. (2024). India-China Rivalry, Border Dispute, Border Standoffs, and Crises. *India Review*, 23(5), 397-408.